

для него лишь временная одежда, некий отблеск иерархизма, которым он жаждет отомстить унижавшим его. Он по их же вертикали над ними хочет вознестись, чтоб потом порвать «мантию короля» (как рвет он сначала свой мундир, чтоб скроить эту самую мантию) и обратиться к высшим ценностям. Лозунг «будь скромн» для героя Гоголя не подходит. И не пользоваться ему в награду за кротость ватер-клозетом, не играть в пашки и не выезжать в коляске, чтоб прогуливаться вне заведения. Булгаринская идиллия и в сумасшедшем доме — не для него.

Он и здесь не смиряется, не вписывается в ту картину благости и спокойствия, которая уготована «тихим» в Больнице Всех Скорбящих. Он и тут выламывается из порядка и покушается на порядок. Даже когда доведенный ударами палки «великого инквизитора» до слез, он не отзывается на «Фердинанда VIII», он не откликается и на Поприщина. И он действительно уже не Поприщин, а кто-то другой, но не граф или барон или как его, а человек всего света, говорящий со всем светом. Он обращается ко всему свету с просьбой дать ему тройку быстрых коней. Он мчится на этой тройке через Европу, мимо Италии и видит впереди Русь, окошко матери, летящее ему навстречу. Он все еще мыслит себя в системе мира, а не департамента. Смирения нет, его не дает и заключительная фраза «Записок» — фраза о пишке под носом у алжирского бей. Это снижение поприщинского триумфа (снижение в смехе) уже не может унижить его. Ни, тем более, вернуть обратно.

Возврата нет, ибо герой Гоголя отрывается навсегда. В статье «Шлецер, Миллер и Гердер», опубликованной в одной книге с «Записками сумасшедшего», Гоголь писал: «...высокое и прекрасное вырывается часто из низкой и презренной жизни или оно вызывается натиском тех бесчисленных и разнохарактерных явлений, которые беспрестанно пестрят жизнь человеческую и которых познание редко дается отвлеченному от жизни мудрецу». То же происходит и с Поприщиным. Вырываясь из своего прежнего состояния, он вырывается и из мечты, которую диктовало ему это состояние.

Сам бред Поприщина, его сумасшедшее озарение и перескоки с неизвестного бочара, который «сделал Луну», на повивальную бабку, желающую распространить магометанство, — фантастико-иронический отклик его (теперь уже освобожденного) сознания на фантастику европейской жизни, отраженную в иностранных известиях «Пчелы» и ее «Смеси». Рядом с сообщениями о переворотах, революциях, смещениях коронованных особ (в том числе и алжирского бей или «Дея», как называют его в некоторых случаях) газета Булгарина печатала «Смесь», как бы подкрепляющую для русского читателя невсамделишность этих событий. То она писала о том, что где-то (не в России) родился мальчик с тремя головами (№ 7, 1830), то про голландскую девицу, которая не ест с 1818 г. (№ 27, 1830), то о черном кролике с перьями вместо шерсти (№ 43, 1830), о девушке с двумя носами (№ 40, 1832), об ученых блохах, везущих тяжести в 400 раз тяжелее их тела (№ 154, 1832). Эти факты мешались с именами политиков (Лафайетта, Полиньяка, Талейрана, Веллингтона, упоминающихся в записках Поприщина), с отчетами об «испанских делах» и т. д. Некоторые сообщения «Пчелы» прямо напоминают дневник Поприщина. «В Бисетрской больнице, — пишет она в № 217 за 1833 г. — в Париже находится сумасшедший, который воображает, что во время обеда проглотил по неосторожности гусарского ротмистра, который упал в его рюмку». «Какой-то мистик, — читаем мы в № 154 за 1832 г., — напечатал в баварском календаре за 1832 год, что 20 марта в 3 часа пополудни начнется осень». «Полонумный астроном Бонардин, — информирует газета читателя в № 238 за 1833 г., — предсказывает в 1832 году (? — И. З.) разрушение Вселенной, которую комета заденет своим хвостом». Упоминается здесь и английский бочар, который распродает по частям бочку, служившую